

УДК 94 (470)

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1960–1980-Е ГГ.)

Никонова С.И.

ФГБОУ ВПО «Казанский государственный архитектурно-строительный университет», Казань, Россия (420021, Казань, ул. Зеленая, 1), e-mail: info@kgasu.ru

В статье рассматриваются отдельные аспекты развития советской исторической науки в 1965–1985 гг., взаимоотношения историков и власти. Особое внимание уделено этической стороне исторического творчества на примере научных дискуссий вокруг отдельных исторических трудов этого периода. Обращено внимание на зависимость исторической науки от политической, а также идеологической ситуации. Основой официальной идеологии оставался марксизм-ленинизм, априори считавшийся не только самым передовым учением, но и единственно верным. Ведущие идеологи страны, ее политические лидеры так и не смогли корректно «поправить» марксизм-ленинизм, приспособить его постулаты к новым реалиям. Более того, власть была уверена в незыблемости официальной идеологии и недооценила кризис советского общества, в большей мере связанный как раз с идеологической сферой.

Ключевые слова: инакомыслие, научные дискуссии, идеологический контроль, советская цензура, испытание пряником, последние советские десятилетия

HISTORICAL SCIENCE IN THE LAST DECADES OF THE SOVIET REGIME (1960–1980-IES.)

Nikonova S.I.

Kazan State University of Architecture and Building Construction, 420043, Kazan, Russia, Zelenaja Str. 1, e-mail: info@kgasu.ru

The article discusses some aspects of the development of Soviet historical science in 1965-1985 years, relations of historians and government. Particular attention was paid the ethical side of the historic art, for example, of scientific discussions around some historical works of this period. The basis was the official ideology of Marxism-Leninism, and it was considered not only the most advanced teaching, but only true. Leading ideologues of the country, its political leaders have failed to properly «correct» Marxism-Leninism, to adapt it to new realities postulates. Moreover, the government was confident in the inviolability of the official ideology and underestimated the crisis of Soviet society, increasingly associated just with the ideological sphere. Unwillingness and inability to adjust the power of the ideological paradigm led to the collapse of the socialist ideology, and ultimately to the collapse of the USSR and the socialist system.

Keywords: dissent, scientific discussions, ideological control, the Soviet censorship, «Cake» test, the last Soviet decades

Историческая наука всегда была для идеологических структур «особой зоной внимания», где любые дискуссии контролировались соответствующими органами. Советские историки негласно должны были следовать партийной директиве, которую можно сформулировать следующим образом: «Все этапы развития советского общества... рассматривать как положительные» [9].

Иван Дмитриевич Ковальченко, в постсоветский период характеризуя состояние исторической науки в 1965–1985-е гг., говорит о свойственном ей «теоретико-методологическом иждивенстве, т.е. уповании на то, что наиболее принципиальные оценки прошлого и подходы к нему будут даны не самими историками, а выражены в партийных и государственных документах» [8. С. 170].

Отдельные высказывания постсоветских исследователей звучат архирезко: «Советским ученым навязывалась не только методология исследования, не только критерии оценки находящихся в их распоряжении фактов. Сами эти факты строго дозировались: в каждый момент существования более или менее значительная их совокупность, которая не могла стать предметом анализа в научной работе, укрывалась от исследовательского глаза в спецхранах. За этим неукоснительно следило отечественное Министерство Правды – вся пирамида идеологического контроля и цензуры. Так что в распоряжении автора оставалась только одна степень свободы – определять порядок слов» [5. С. 11–12].

Изучая проблему зависимости исторической науки от политики, от власти, необходимо учитывать, что власть всегда стремится представить народу историю крайне выгодным для себя образом: «Прошлое России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать самое смелое воображение; вот точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана», — в словах, которые приписывают А.Х. Бенкендорфу, сконцентрирована некая установка для отечественных историков (вспомним: «Все этапы развития советского общества... рассматривать как положительные»).

Таким образом, зависимость советской исторической науки от политического режима не является аномалией, это свойственно и для других периодов развития отечественной и зарубежной истории.

В последние советские десятилетия власть посредством идеологических и силовых структур пресекала проявления инакомыслия в исторической науке как традиционными (судебное и внесудебное преследование), так и новыми (или «хорошо забытыми старыми») методами (психиатрическое лечение как наказание за инакомыслие, лишение советского гражданства, высылка из страны).

Монография Александра Моисеевича Некрича «1941. 22 июня» [10] была написана на основании опубликованных источников и мемуаров известных полководцев, однако подводила к качественно новому для советской историографии выводу: ответственность за неудачи и колоссальные жертвы первого этапа войны несет Сталин. С этой оценкой были не согласны многочисленные представители советской исторической школы, которые увидели в книге принижение роли вождя, значения Сталина как гениального полководца, организатора всех побед. Острая полемика вокруг издания, ее обсуждение на исторических кафедрах университетов с принятием резких резолюций закончились запрещением книги, частичным уничтожением экземпляров, хранившихся в библиотеках, и исключением автора — А.М. Некрича из КПСС, а впоследствии — его эмиграцией.

«Если сегодняшней молодой читатель найдет и прочтет книгу А. Некрича «1941. 22

июня», он, возможно, просто не поймет, из-за чего ломались копыя и летели головы. Книга как книга. Добротное, отлично написанное научное исследование, без всякого налета сенсационности, строгое изложение фактов», — писал историк Л.П. Петровский [11], соратник А. Некрича и непосредственный участник тех событий. Действительно, современным молодым исследователям, «непоротым дворянам», не получавших от власти сигналов, после которых «не хотелось жить и дышать», трудно понять подобную ситуацию. В таких случаях возможно и необходимо разъяснение так называемых инсайдеров той эпохи, которые могут разъяснить и терминологию, и своеобразный язык, и умение читать между строк официальных документов, и многое другое, составляющее картину жизни и творчества советских ученых.

Книга Роя Александровича Медведева «Перед судом истории» не была опубликована и «наказана» еще в рукописи. Не совсем ясно, как стало известно о содержании рукописи органам госбезопасности. Так, в записке Ю.В. Андропова на имя М.А. Суслова сообщается: «Комитет госбезопасности при СМ СССР получил *оперативным путем* (курсив – мой. С.М.Никонова) рукопись Р.А. Медведева “Перед судом истории” и прислал ее фотокопию в ЦК КПСС» [13]. Далее Председатель КГБ ссылается на то обстоятельство, что «Медведев *сам* (курсив мой – С. Никонова) просил ознакомиться с его рукописью (предъявил 8 из 13 глав)». Соответствующие органы тщательно проанализировали работу Медведева и признали ее не только клеветнической, но и вредной [14]. Особое беспокойство вызывала возможность появления книги на Западе, а также то, что некоторые ее разделы размножены в копиях и уже цитируются в различных аудиториях. Как признал Р. Медведев, «он доверился некоторым близким ему людям, дал им рукопись, и она оказалась размноженной» [15].

Партийным органам было рекомендовано рассмотреть вопрос о пребывании автора в партии, тем более что за ним и ранее «числились грехи»: активно участвовал в размножении и распространении литературы, «содержащей клеветнические измышления о советском строе», поддерживал отношения с А.Д. Сахаровым и другими диссидентами.

Обращалось внимание, что Р.А. Медведев планирует продолжить свою работу, «углубить» ее, в связи с этим просит дать ему возможность пользоваться закрытыми фондами. Московскому ГК КПСС дано поручение не только рассмотреть вопрос о партийности историка, но и заняться вопросами научной деятельности Р. Медведева с тем, чтобы предотвратить распространение его ошибочного и вредного исследования, который к тому же автор посвящает 50-летию Великого Октября.

Ю.В. Андропов в вышеупомянутой записке предусматривает и такое решение проблемы, как «возможность привлечения Медведева к написанию работы по интересующему его периоду жизни нашего государства под соответствующим партийным

контролем» [16].

Игорь Яковлевич Фроянов в первой половине 1980-х гг. в своих статьях высказал сомнение по поводу теории феодального характера Киевской Руси, что вызвало негативную реакцию исторического сообщества, особенно историков, занимающихся этой проблематикой. После ожесточенных научных споров, проработок и осуждений на исторических кафедрах ученый продолжает свою научную деятельность, и довольно успешно. И все же до 1990 г. был отложен выпуск написанной в 1983 г. монографии «Киевская Русь: очерки отечественной историографии» [19].

Евгений Ашракович Амбарцумов выбрал более «опасную» тему: в 1984 г. в журнале «Вопросы истории» [1] была опубликована его статья «Анализ В.И. Лениным причин кризиса 1921 г. и путей выхода из него», в которой поставлен почти «революционный» вопрос о существовании политических кризисов в социалистических странах. Автор видел причину в кризисе власти (начиная с 1921 г., с НЭП), совершающей ошибки или даже сознательно действующей вразрез с интересами населения. Статья Е. Амбарцумова была резко раскритикована заместителем главного редактора журнала «Коммунист» Е. Бугаевым [3], отвергнуто само понятие «кризис при социализме», причиной кризисных явлений назывались действия «правооппортунистических элементов», поддерживаемых обычно «международным капиталом».

Можно привести не один пример таких проработок. Так, книга Арона Яковлевича Гуревича «Проблемы генезиса феодализма» [12] подверглась в 1969 г. резкой критике со стороны министра просвещения РСФСР А.И. Данилова, после чего автор был уволен из Института философии. Для обоснования этого решения были инициированы «обсуждения» на исторических кафедрах университетов книги А.Я. Гуревича, выступления историков на которых звучали довольно резко против концепции автора, противоположное мнение не было озвучено — «безмолвствующее большинство» предпочло оставить его при себе.

В процессе «дискуссии» в АН СССР в 1964 г. подверглась резкой критике рукопись книги Александра Александровича Зимина «Слово о полку Игореве: Источники, время написания, автор» [6], в которой автор высказывает свою точку зрения по поводу «Слова», подвергает сомнению его авторство и, главное, время создания. Несмотря на то что его оппоненты не подвергали сомнению аргументацию концепции Зимина, был подключен «административный ресурс», и книга так и не была издана при жизни историка.

В послесталинский период, казалось, угроза жизни после смелого высказывания, после отстаивания своей позиции в науке не существовала. Однако воспоминание о пережитом когда-то страхе сдерживало «горячие головы» еще целые десятилетия. Казалось, советским историкам «был привит» штамб осторожности в страшные времена,

когда за отличное от намеченного классиками марксизма-ленинизма и разработанного партийными идеологами мнение можно было поплатиться не только карьерой, но и жизнью. Долгие годы «страх, что всем у изголовья лихая ставила пора нас обучил хранить безмолвие перед разгулом недобра» [18], не давал ученым высказывать свое мнение, защищать свое видение проблемы, искренне реагировать на иную точку зрения. Мы солидарны с В.Б. Кобриным, что «идеологические проработки не прекращались ни на один год: они лишь меняли свою интенсивность и объекты, на которые были направлены» [7].

И все же изменения в «обществе после Сталина», в общественном сознании были, и их чутко улавливали представители интеллигенции, прежде всего научной и творческой. В свою очередь власть осуществляла гласный и негласный контроль за умонастроениями в этой среде, причем формы и методы «мониторинга общественного настроения» самые разнообразные.

Так, из оперативных материалов КГБ вырисовывается картина наблюдения, например, за учеными Сибирского отделения АН СССР.

«Берг Р.Л., доктор биологических наук, старший научный сотрудник Института Цитологии и генетики СО АН СССР, организовала в своей квартире салон, где собираются лица, увлекающиеся западным искусством и литературой. Является одним из авторов клеветнического письма в связи с судебным процессом по делу Гинзбурга, Галанскова, Добровольского, Лашковой».

«Хохлушкин И.Н., младший научный сотрудник Института Экономики СО АН СССР, в 1950 г. осужден по ст. 58-10 УК РСФСР, впоследствии находился вместе с Солженицыным и Копелевым, с которыми до настоящего времени поддерживает связь. Дома хранит политически вредную литературу, с которой знакомит своих друзей. Поставил свою подпись и принимал активное участие в сборе подписей под указанным выше письмом».

«Александров А.Д., член КПСС, академик, заведующий отделом Института математики СО АН СССР. Характеризуется политически беспринципным человеком. Ряд его публичных выступлений, особенно перед молодежью, носит двойной смысл, а иногда и провокационный характер. Позволял себе антисоветские высказывания в конфиденциальных разговорах с сотрудниками» [2].

Интересно, что на многих оперативных документах ремарка: информация получена оперативным путем. Способы получения информации различны: подслушивание, доносы, шантаж и др.

Большинство людей, живших в СССР, прекрасно понимали и принимали правила игры и в творчестве, и в обычной жизни. Что и когда писать, говорить, о чем молчать, а о чем кричать в страстных «кухонных» спорах. В определенных кругах фрондирующей

интеллигенции это стало некоей модой: «что может быть привлекательнее, чем в кругу подвыпивших друзей ругать советскую власть...» [4. С. 180].

В последние советские десятилетия историки наравне с другими представителями научной и творческой интеллигенции проходили сложнейшее «испытание пряником», когда за отличное от определенного партийной идеологией мнения можно было поплатиться «отставкой от кормушки», потерей положения, наконец, отлучением от профессии.

Современные исследователи, казалось, не должны сейчас испытывать сложностей в определении своего пути в науке, выборе темы, методологической основы, источниковой базы. Однако, принимая во внимание, что власть во все времена нуждалась в историческом подтверждении официального курса, направления, вектора, историкам и сегодня достаточно сложно выстроить некий барьер, установить дистанцию между «горячей политической необходимостью» и исторической правдой. Более того, достаточно трудно установить шкалу исторической правды «внутри» самого историка. По нашему мнению, отметка на ней находится на уровне совести человека, который выбрал трудную и порой опасную профессию историка.

Список литературы

1. Амбарцумов Е.А. Анализ В.И.Лениным причин кризиса 1921 г. и путей выхода из него // Вопросы истории. —1984. — № 4. — С. 15–30.
2. Богданова А.В. Музыка и власть: (Постсталинский период). / А.В. Богданова. — М.: Наследие, 1995.
3. Бугаев Е. Странная позиция // Коммунист. — 1984. — № 14. — С. 119.
4. Вайль П. 60-е: Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. – М.: Новое лит.обозрение. — 1998.
5. Жидков В.С. Театр и власть. 1917–1927. От свободы до «осознанной необходимости» / В.С. Жидков. — М.: Искусство, 2003.
6. Зимин А.А. «Слово о полку Игореве»: Источники, время написания, автор./ А.А. Зимин. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. — 516 с.
7. Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? / В.Б. Кобрин. — М.: Московский рабочий, 1992. — 225 с.
8. Ковальченко И.Д. Исследование истины само должно быть истинно. Заметки о поисках исторической правды // Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. — М.6 Высшая школа, 1989.
9. Крупный вопрос исторического материализма // Коммунист. — 1979. — № 18. — С. 25–

47.

10. Некрич А.М. 1941. 22 июня. / А.М. Некрич.— М.: Наука, 1965.
11. Петровский Л.П. Дело Некрича // Вечерний клуб. — 1994. — 17 декабря.
12. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе: Уч. пособие. — М.: Высшая школа, 1970. — 224 с.
13. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф.89. Пер.17. Док.49. Л.10.
14. РГАНИ. Ф.89. Пер.17. Док.49. Л.1-3.
15. РГАНИ. Ф.89. Пер.17. Док.49. С.10.16
16. РГАНИ. Ф.89. Пер.17. Док.49. С.5-6.
17. РГАНИ. Ф.89. Пер.46. Док.1. Л.1-2.
18. Твардовский А.Т. По праву памяти. Стихотворения и поэмы / Твардовский А.Т. — СПб.: Лениздат, 2013.
19. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. / И.Я. Фроянов. — Л.: Из-во Ленингр. ун-та, 1990. — 328 с.

Рецензенты:

Кабирова А.Ш., д.и.н., доцент, старший научный сотрудник Института Истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань;
Гайденко П.И., д.и.н., доцент, доцент кафедры истории и философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета, г. Казань.